

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ И. А. КРЫЛОВУ
(1—2 ноября 1994 года)**

С. А. ФОМИЧЕВ

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ БАСНОПИСЕЦ

Исключительное место И. А. Крылова в историческом движении русской литературы определяется тем, что он — а это доступно лишь некоторым великим писателям — исчерпал предельные возможности литературного жанра в их полифонии. Писатель такого типа, как Крылов, столь же традиционен, как и непредсказуем. Он классик — и в смысле сохранения литературных заветов, и в смысле создания непревзойденного по сию пору образца, а потому его традиции не ограничиваются одним жанром, а оплодотворяют едва ли не все жанры национальной литературы. В. Г. Белинский считал, что в основании новой русской литературы лежат «Горе от ума» и «Евгений Онегин». При всей высокой оценке критиком крыловских басен, он все же не решился сказать то же и о них. Возможно, здесь сыграла роль репутация «дедушки Крылова» — благостная, с одной стороны, и анекдотическая — с другой, репутация, которую во многом творил сам поэт и которая живет по законам легенды по сей день. Деятельный свой ум Крылов прикрывал в быту маской ленивца. Но достаточно прочесть одну за другой его басни о фортуне и ленивце, чтобы понять, насколько иначе он мыслил.

Классическая басня вырастает на мощной многовековой культурной почве, храня в своей генетической памяти опыт поистине всего человечества. Так, крыловская басня «Ворона и Лисица», традиционно открывавшая весь его басенный свод, сюжетно восходит к басне Эзопа «Ворон и лиса». Но непосредственно Крылов ориентируется уже на басни Лафонтена и Сумарокова на тот же сюжет. У Эзопа ворон держит в клюве кусок мяса (что правдоподобнее), у француза Лафонтена — сыр. Любопытно, что последний учитывает обработку басенного сюжета в опытах византийского писателя Игнатия Диакона (VIII—IX вв.):